

УДК 81'25

ПРОБЛЕМА МИНИМАЛЬНОЙ ЕДИНИЦЫ ПЕРЕВОДА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ДИСКУРСА

В.А. Миловидов

Тверской государственной университет, Тверь

В рамках теории дискурса рассматривается проблема минимальной единицы перевода; традиционные подходы, принятые в переводоведении, пересматриваются с позиций дискурс-анализа литературно-художественного текста

Ключевые слова: *минимальная единица перевода, теория текста, теория дискурса.*

«... Все зависит от каждого индивидуума в отдельности. Например, вон тот блондинчик в третьем ряду играет хорошо, а брюнет во втором играет плохо. И никакие лекции не изменят этого соотношения сил, если каждый индивидуум в отдельности не будет постоянно тренироваться в шашк... то есть я хотел сказать – в шахматы...» (Остап Бендер. Из лекции в шахматном «Клубе четырех коней»)

Не будь Остап мошенником, он мог бы стать хорошим переводоведом – настолько ясно герой Ильфа и Петрова ощущает эпистемологический разрыв между теорией и практикой, которые именно в переводоведении явлены наиболее отчетливо.

Считается, что теория обязана служить практике. В переводоведении, вместе с тем, данное положение реализуется с трудом: теория перевода как дескриптивная дисциплина скорее «дрейфует» параллельно практике обучения переводу, лишь изредка пересекаясь с ее курсом. Экзамен по теории перевода есть чисто гигиеническая процедура – сдав его, студент понимает: к работе переводчика-практика относится все остальное, и именно то, что не вошло в теоретический курс.

Вместе с тем, в теории перевода есть проблема, которая все-таки близко связана с практическими заботами переводчика, хотя эти заботы – скорее психологического, чем лингвистического свойства. Переводчику крайне трудно бывает разрешить одно из своих постоянных затруднений, которое связано с определением того, что является объектом его перевода – не в целом, не вообще (таковым объектом, конечно, является текст), но «здесь и сейчас», в конкретный эпизод работы с текущей мимо переводчика знаковой цепью. Этот объект получил наименование минимальной единицы перевода или «транслемы» (термин З.Е. Рогановой).

О том, насколько важно выделить данную единицу, говорят крупнейшие отечественные специалисты по теории перевода, ее мэтры: «... важнейшей задачей, стоящей перед переводчиком-практиком в процессе осуществления перевода и перед теоретиком перевода при описании ("моделировании") этого процесса, является отыскание в исходном тексте минимальной единицы, подлежащей переводу, или, как её принято называть, единицы перевода», пишет Л.С. Бархударов [2, с. 174]; Как кажется на первый взгляд, в сходной логике говорит об этом и Т. А. Казакова: «одно из основных умений переводчика заключается в свободном владении различными способами членения исходного текста» [4, с. 27]. Но сходство двух приведенных высказываний лишь внешнее. Обратим внимание: Л.С. Бархударов говорит об «отыскании» того, что уже дано в тексте; Т.А. Казакова – о членении текста, т.е. о «создании» того, чего, по сути, в самом тексте нет и формирование чего является результатом деятельности переводчика. Первое высказывание тяготеет к теории текста, второе – к теории дискурса.

Первый подход, который и до сих пор широко представлен в теории перевода, дал интересные результаты в плане определения семантико-синтаксических характеристик минимальной единицы перевода, а также моделей перевода, основанных на той или иной форме ее описания. Например, не утратили своей актуальности те способы квалификации типа перевода (эквивалентный, буквальный, вольный) которые, основываясь на анализе сравнительных характеристик синтактики минимальных единиц ИЯ и ПЯ, дал еще Л.С. Бархударов. Понимая под минимальной единицей перевода «... такую единицу в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода, но составные части которой по отдельности не имеют соответствий в тексте перевода» [2, с. 175], исследователь выстраивает убедительную схему: при выборе единицы перевода на уровне, необходимом и достаточном для полной передачи всей информации, заключенной в тексте подлинника, мы имеем дело с эквивалентным переводом; при выборе минимальной единицы на более низком уровне, чем тот, который необходим для передачи неизменного плана содержания, мы получаем буквальный перевод; при выборе на более высоком – вольный перевод. Важное условие – ни в первом, ни во втором, ни в третьем случае переводчик не имеет права нарушать грамматические, лексические и стилистико-прагматические нормы переводящего языка [2, с. 186–187].

Правда, очень скоро выясняется, что данная схема остается лишь изящным теоретическим конструктом, но не руководством к действию для переводчика, так как «на протяжении одного и того же текста единица перевода, как правило, постоянно меняется – ею оказывается то слово, то словосочетание, то целое предложение и пр.» [2, с. 185], а «для качественной характеристики перевода решающее значение, очевидно,

имеет правильный выбор этой единицы в каждом конкретном случае на требуемом уровне языковой иерархии» [2, с. 186]. В этом и состоит очевидная проблема дескриптивной теории перевода, которая, претендуя на обобщающий характер, вынуждена считаться с частным и конкретным, а, стремясь к объективности, считает возможным учитывать фактор субъективности в процедурах сегментации текста на минимальные единицы, подлежащие переводу. Иными словами, теория перевода как часть теории текста постоянно выходит за собственные рамки – в теорию текстопостроения, т.е. – в теорию дискурса.

Но и теория дискурса – в том виде, которая была обозначена выше как второй из означенных подходов к проблеме минимальной единицы перевода, в классике современного отечественного переводоведения постоянно «оглядывается назад», на теорию текста. Говоря о том, что членение текста есть компетенция переводчика как активной, творческой инстанции, Т.А. Казакова, тем не менее, склонна привязывать эту творческую активность к внутритекстовым феноменам, пусть и самым широким (единым текстом можно считать не только текст, подлежащий переводу, но и в целом творчество переводимого автора, всю национальную или мировую литературу):

«Важнейшим критерием при этом служит мера упорядоченности вычленяемого сегмента в системе текста: чем больше слово сохраняет контекстуальную независимость, тем вернее оно является минимальным сегментом, предназначенным для перевода. Если же в слове присутствуют более или менее явные признаки зависимости от минимального или более широкого контекста, то переводчик должен выстроить внутритекстовую единицу, включающую все или хотя бы самые главные из зависимых цепочек» [4, с.35]. И ранее: «По существу, переводчик имеет дело не столько с самими отдельными словами, сколько с обусловленной исходным текстом системой зависимостей между словами» [4, с. 28].

Конечно, переводчик сам решает, что он переводит «здесь и сейчас», но обуславливает это решение всё-таки текст. И контекст, который понимается достаточно традиционно, – как текст, лежащий за пределами не только переводимого текста, но и «за пределами» самого переводчика.

Теоретики, идущие в своих размышлениях не столько от теоретических проблем лингвистики, сколько от практики, радикально иначе смотрят на драматические отношения между текстом и переводчиком как инстанциями, отвечающими за выбор минимальной единицы перевода. В их наблюдениях акцентируются не семантико-синтактические, но прагма-семантические параметры выбора «транслемы» – пусть и не всегда в достаточно четкой, лингвистически ориентированной терминологии. Так, Р.К. Миньяр-Белоручев в своей популярной, но от этого не менее интересной книге определяет эти параметры (дается, правда, один,

исходный параметр, маркирующий начальную границу минимальной единицы перевода; финальная граница исследователем не обозначена):

«... на наш взгляд, величина отрезка речи не может быть критерием единицы перевода. Таким критерием должна быть возможность принять решение на перевод... более удобно единицу перевода определять как единицу речи, требующую отдельного решения на перевод» (6, с. 152).

«Решение на перевод» есть процедура актуализации переводческой интенции – так, переводя проблематику минимальной единицы перевода в план описания интенционального, прагматического аспекта перевода, исследователь одновременно переходит из сферы теории текста в сферу теории дискурса.

Лингвистика дискурса предлагает понятийно-терминологическую базу для описания минимальной единицы перевода. Дискурс есть диалогическая и динамическая мыслительно-речевая практика, протекание которой обусловлено местом, временем, культурно-историческим и социально-психологическим контекстом говорения и слушания, характером намерений говорящего и слушающего, особенностями используемого языка, на котором кодируется и строится сообщение, а также особенностями языка декодирования. Последний фактор важен не только в тех случаях, когда продуцент и реципиент текста говорят на разных национальных языках, – поскольку в дискурсивное взаимодействие вступают индивидуальные языковые системы, то и в условиях единого национального языка они будут отличаться вариативностью, которую также следует проблематизировать и внести в качестве одного из параметров в объект изучения. Более того, «говорящий» и «слушающий» также могут быть объединены в рамках единой личности. При этом контекст в рамках теории дискурса понимается принципиально иначе, чем в рамках описанных выше подходов. Начиная с 90-х годов в лингвистике происходит, так сказать, интериоризация контекста, который начинает восприниматься как структура, «встроенная» в сознание продуцента и реципиента дискурса (см., например: [7, с. 22–28], включающая в себя не только картину мира, «проживаемую» и «переживаемую» участником коммуникации, но и – как часть этой картины мира – «проживаемые» и «переживаемые» тексты как непосредственно языковой контекст семантизируемого (читаемого, понимаемого, анализируемого) элемента коммуникации. Минимальная единица перевода при этом подходе остается обусловленной своими контекстуальными связями, но сам этот контекст уже включен «в пределы» переводчика и, как таковой, он и предопределяет принятие «решения на перевод».

Поскольку в дискурсе системно связаны по меньшей мере три уровня речепроизводства и рече-рецепции – когнитивный, лингвосемантический и вербальный, то «решение на перевод» относится одновременно ко всем из них и, следовательно, именно на этих уровнях должна рас-

положиться и минимальная единица перевода, в рамках которой элементы данных уровней системно связаны. Располагающаяся на когнитивном уровне минимальная единица смысла (в достаточно устоявшейся традиции, ведущей к Э. Гуссерлю, ее можно обозначить «ноэмой» [3, с. 78]) на лингвосемантическом уровне может корреспондировать семе как минимальной единице индивидуального лексикона, которая, в свою очередь, системно соотносится с минимальной единицей вербального, экспонентного уровня.

Компонентой экспонентного плана минимальной единицы перевода можно считать лексию – описываемую Р. Бартом как единицу словесной цепи, границы которой устанавливаются реципиентом в процессе развертывания «текста-чтения» (1, с. 24). Исследователь не уточняет основания для отграничения одной лексии от другой, ограничиваясь лишь указанием на субъективность данной процедуры. Очевидно, однако, что такими отграничивающими основаниями и являются границы интерпретационного усилия, необходимого для семантизации одной лексии и, соответственно, «производства» одной ноэмы. Лексия, соотнесенная через сему с ноэмой, и становится поводом для «решения на перевод», о котором пишет цитированный выше исследователь и практик перевода. При этом элементом знаковой цепи, адекватным одной ноэме, могут быть текстовые элементы любой протяженности и любого качества – от целого текста до слова, от интонационной конструкции (в звучащем тексте) до графемы и даже параграфемы в тексте, типографски исполненном. Примеров того, как параграфема участвует в смыслообразовании и, следовательно, претендует на статус лексии, достаточно много. Приведем один из них, описываемый Ю.М. Лотманом [5, с. 72], с нашим уточнением относительно роли параграфемы в процессе производства смысла:

Персефона, зерном загубленная!
Губ упорствующий багрец,
И ресницы твои – зубринами,
И звезды золотой зубец.
(М. Цветаева. «Поэма горы»)

Первые два стиха являют собой пример формирования дополнительной по отношению к морфо-синтаксической конструкции фонологической структуры, которая является и дополнительным средством смыслообразования: за счет фонетической соотнесенности лексем *зерном*, *загубленная*, семантизирующих тему смерти (зерно граната, которое Персефона съела, чтобы умереть и, таким образом, соединиться с Аидом), и лексем *губ*, *упорствующий*, *багрец* (наделённых, по Ю.М. Лотману, семантикой любви) формируется специфический для лирики Цветаевой семантический комплекс – любовь, чреватая смертью, и любовь, смерть преодолевающая. Параграфемный же элемент (восклица-

тельный знак в конце первого стиха) не только подчеркивает парцеллятивный характер синтаксиса первой части строфы, но и, предположили бы мы, своей вертикальной графикой формирует дополнительную преграду на пути стремящихся к взаимопроникновению смыслов, за счет чего поэтическая эмоция максимально драматизируется, становится более интенсивной (в силу необходимости преодоления вставшей на её пути преграды), что и будет смысловым последствием «работы» параграфемного элемента, который таким образом вполне доказывает своё право на статус лексии.

Более того, возможны и совсем уж крайние случаи, когда интенсивное смыслообразование осуществляется на основе элементов текста, формально не вербализованных. К такого рода примерам можно отнести, например, паузу в драматургическом тексте: в пьесе классика английского театра абсурда Г. Пинтера «Былые времена» (*Old Times*, 1971) общий объем пауз составляет порядка 25 процентов текстового массива [8, с. 335–380], но это – не пустые, ничем не заполненные пробелы. Отвечающие за столь важные для Пинтера процедуры создания подтекста, паузы являются пространством формирования смыслов, а, следовательно, также справедливо претендуют на статус лексий и, если перевыразить этот феномен в классической переводоведческой терминологии, минимальных единиц перевода, транслем.

Как ни странно это могло бы прозвучать, но данные элементы текста, лексии также являются объектом и полем перевода – не только сами по себе, но и как материал разнообразных трансформаций, совершаемых переводчиком в работе с текстом. Здесь, кстати, совершенно неожиданно открывается возможность в высшей степени практического использования теории перевода – переводчик-практик, используя изложенные выше теоретические размышления, может вполне претендовать на оплату перевода и знаков препинания, и пауз...

Если же серьезно, то проблема минимальной единицы перевода не является проблемой исключительно теоретической. Учет триединства когнитивного, семантического и вербального уровней минимальной единицы перевода, объем и формат которого предопределяется прагматическими факторами, имеет существенное значение и при обучении практическим навыкам перевода. Во-первых, внося субъективность в качестве одного из параметров в рамки семиотических процедур, мы имеем возможность отказаться от достаточно громоздких и не всегда продуктивных действий по формально семантико-синтаксическому описанию и поиску минимальной единицы перевода – в каждом его конкретном акте. Во-вторых, легитимизируя субъективность и интроспекцию как вполне адекватные инструменты выбора переводческих стратегий и тактик, можно научить переводчика эффективно пользоваться ими в качестве

гибкого, а потому эффективного и надёжного средства принятия переводческих решений.

Список литературы

1. Барт Р. "S/Z" [Текст] / Р.Барт. – М. : Изд-во «Ad Marginem», 1994. – 304 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода) [Текст] / Л.С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Гуссерль Э. Ноэзис и ноэма [Текст] / Э. Гуссерль // Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М. : Лабиринт, 1994. – С. 75–102.
4. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English – Russian [Текст] / Т.А. Казакова. – СПб. : «Издательство Союз», 2001. – 320 с. (Серия: Изучаем иностранные языки).
5. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста [Текст] / Ю. М. Лотман // О поэтах и поэзии / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб., 1996. – С.18–132.
6. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком [Текст] / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М. : Готика, 1999. – 177 с.
7. Тогоева С.И. Психолингвистические проблемы неологии [Текст] / С.И. Тогоева ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2000. – 156 с.
8. Pinter, H. Old Times [Текст] / H. Pinter // Modern English Drama. – Moscow : Raduga Publishers, 1984. – Pp. 335–380.

THE PROBLEM OF THE MINIMAL UNIT OF TRANSLATION IN THE DISCOURSE THEORY CONTEXT

V. A. Milovidov

Tver State University, Tver

The article deals with the problem of the minimal unit of translation within the context of the theory of the discourse; traditional approaches employed by the theory of translation are reconsidered from the viewpoint of the literary text discourse analysis.

Keywords: *minimal unit of translation, theory of the text, theory of the discourse.*

Об авторе:

МИЛОВИДОВ Виктор Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы, Тверской государственный университет, vik-milovidov@yandex.ru

Научная библиотека ТвГУ